

Litera

Правильная ссылка на статью:

Платонов Ф.Е. «Происшествие на реке Тун» Вс. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75963 EDN: RSLIKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75963

«Происшествие на реке Тун» Вс. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии

Платонов Федор Евгеньевич

ORCID: 0009-0005-5904-343X

аспирант; факультет Медиакоммуникации и журналистика; образовательное частное учреждение высшего образования "Московский университет имени А.С. Грибоедова"

109559, Россия, г. Москва, р-н Люблино, ул. Краснодарская, д. 52, кв. 8

✉ fedor.platonoff@yandex.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75963

EDN:

RSLIKK

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Аннотация: Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) представляет собой один из вариантов реализации жанра антиутопии в творчестве известного советского писателя. Так, написанный совместно с В. Б. Шкловским роман «Иприт» (1925) – трагическое произведение и одновременно серьёзное предупреждение о возможности перерастания технической антиутопии в апокалипсис. Роман «У» (1931–1933) обнаруживает скрытую антиутопию, на пути которой встаёт аффектированный мещанин. В этом ряду «Происшествие на реке Тун» показывает, как будущее оказывается проекцией настоящего. В качестве объекта исследования в статье выступают дистопические и антиутопические мотивы рассказа Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун». Предмет исследования – специфика реализации элементов этих жанров с учетом анализа мотивной структуры произведения. Используются методы жанрового, мотивного и герменевтического анализа. Рассказ квалифицируется одновременно как антиутопия и дистопия. Также в нём исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся

в будущее время. На основе произведённого мотивного анализа произведения делаются предположения о специфике восприятия революционного проекта писателем и читателем. Актуальность исследования определяется интересом литературоведения к творчеству Вс. Иванова, которое до сих пор оказывается не только недостаточно изученным, но и не полностью опубликованным. Новизна исследования определяется осуществлённым в статье подробным мотивным анализом «Происшествия на реке Тун». В нем выявлены ведущие мотивы, которые влияют на его смысловую структуру (например, мотив холода): тот, кто позволяет «замёрзнуть» своему человеческому чувству, ведёт себя и других к нравственной и физической гибели. Образ антиутопии/дистопии в рассказе создаётся посредством образов человекоубийственной техники и образов нечеловеческой архитектуры. Человек в будущем обезобразил не только рукотворное, но и природное: и то, и другое источает опасность и смерть. Огромные размеры зданий, холодные и грубые материалы, из которых они сделаны, тяготение форм к трубообразности и замкнутости – всё это определяет бытие будущего человека.

Ключевые слова:

антиутопия, дистопия, онейрическая проекция, замкнутое пространство, научно-технический прогресс, литературные жанры, Гражданская война, мотивика, зооморфизация, видение

Введение

«Происшествие на реке Тун»: между дистопией и антиутопией

Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) в статье Е. А. Папковой «"Видения грядущего" в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг.» [\[3, с. 186\]](#), совершенно справедливо назван дистопией, потому что дистопия, в отличие от антиутопии, которая является чем-то вроде карикатуры на утопию, описывает «сегодняшний ад, который, как опасается автор, продолжится и углубится в будущем» [\[6, с. 13\]](#). Хотя элементы антиутопии в нём тоже присутствуют. О них также говорит Е. А. Папкова в статье, что была опубликована раньше, — «Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910-1930-х годов»: образ будущего в рассказе характеризует «необычайный технический взлёт» и «продолжающаяся борьба с "врагами", которые должны быть уничтожены, чему весьма способствуют технические достижения» [\[5, с. 35\]](#).

Б. А. Ланин в монографии «Русская литературная антиутопия XX века» выделяет несколько характерных черт антиутопии (дистопии). Применительно к ивановскому рассказу можно отметить, в частности, неявный, но спор с утопией (идеального государства, в котором победила суровая революция); страх, оборачивающийся неустанным поиском врагов; выпадение из привычной реальности главного героя, задумавшегося и потерявшего; ритуализация жизни антиутопического общества, что ходит строем и уничтожает вражескую «биомассу»; подавление сексуального (в один из моментов рассказчик спрашивает своего товарища: «— Была ли там, при последней революции, у нас с вами любовь? То есть, может быть, мы любили одну женщину?» [\[2\]](#), и, кажется, что это двусмысленно звучащий вопрос с не менее двусмысленной поправкой); превращение людей в животных; замкнутость пространства и неподвижность времени; аффектированность отдельных героев и людских множеств [\[8\]](#).

Жанр антиутопии в советской литературе 1920-х годов и в творчестве Вс. Иванова

Жанр антиутопии для советской литературы 1920-х — один из наиболее востребованных [8; 9; 10; 11; 12]. Новое государство ищет новые формы развития, и на этом пути видит не только возможности, но и опасности. Особенно внимательно в контуры и в содержание будущего вглядывается литература. В этом ряду особую активность проявляет Вс. Иванов.

Антиутопические мотивы можно увидеть в его романе «Иприт» (1925) (написан совместно с В. Б. Шкловским). Это произведение, хотя на первый взгляд и кажется авантурным или пародийным романом, в котором присутствует множество отсылок к современной авторам геополитической, внутривластной, общественно-литературной действительности, к отечественной и мировой литературе и культуре, на самом деле затрагивает серьёзные вопросы мировой безопасности. Вс. Иванов и Шкловский демонстрируют варианты антиутопий, создаваемых западным миром, и одновременно (вероятно, невольно) указывают на антиутопический потенциал преобразовательных проектов родной страны. Экзотические антиутопии «Иприта», основанные на фактах динамичного развития химии и биохимии, естественным образом вызывают в романе вопросы о характере, специфике приближающихся пусть локальных, но апокалипсисов и о постапокалиптической реальности. Отдельная сюжетная линия «Иприта» — пространное травестирование «Краткой повести об антихристе» В. С. Соловьёва, которое наряду с комическим измерением сохраняет и предиктивный потенциал этого соловьёвского текста.

Антиутопические конструкции можно обнаружить также в романе «У» (1931–1933). Вс. Иванов в этой книге (и в последующей её редакции, что называется «Багровый закат») демонстрирует, как попытка создания утопии оборачивается рождением её противоположности. Роман «У» — сложный текст, и, как пишут критики, возможно, не вполне удавшийся, а потому запутанный. Но, несмотря на это, видно, как художественная интуиция приводит писателя к мысли о несовершенстве человеческой природы, что не только может создать антиутопию вместо утопии, но и способна при этом сопротивляться оформлению, закреплению этой антиутопии. Звук «у», истолкование которого Ивановым восходит к метафизической ономастике о. Павла Флоренского, в романе символизирует аффектированную, страдательную, но всё же предохраняющую человека от губительного обезличивания.

Наконец, ещё один вариант реализации антиутопического жанра в творчестве Вс. Иванова — это рассказ «Происшествие на реке Тун».

Цель и задачи статьи

Цель статьи — проанализировать рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» с точки зрения реализации в нём жанров дистопии и антиутопии, а также рассмотреть характер и особенности его мотивной структуры.

Актуальность и научная новизна исследования

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений двойственной жанровой природы. Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» является одновременно дистопией и антиутопией. Также сложна квалификация онейрического состояния одного из главных героев — сон, видение, галлюцинация. Новизна обусловлена впервые проведённым подробным анализом мотивной структуры этого произведения. При том, что ивановеды уже обращали внимание на элементы жанра антиутопии в этом рассказе, никто не погружался в его мотивную структуру.

Методы исследования

В статье используются методы жанрового, мотивного и герменевтического анализа. Рассказ квалифицируется одновременно как антиутопия и дистопия. Также в нём исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся в будущее время. На основе произведённого мотивного анализа произведения делаются предположения о специфике восприятия революционного проекта писателем и читателем.

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования в статье выступают дистопические и антиутопические мотивы рассказа Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун», предмета исследования — специфика реализации элементов этих жанров с учетом анализа мотивной структуры текста.

Основная часть

Телесное и душевное выхолаживание героев как ведущий мотив рассказа

Всё же преимущественно образ будущего в этом рассказе является тёмной проекцией мрачного настоящего. Идёт Гражданская война, и два героя произведения — автор-рассказчик и комиссар Хабиев — живя в теплушке, борются с холодом окружающего пространства: «Звонкий снег точился у наших дверей», «Хилое утро метнуло к его валенкам снег» [2]. Образ открывающего рассказ санитара, также связан с холодом: у него ноги «точно изо льда» и во рту у него были будто «ледяные сосульки» [2]. Последнее — характеристика его голоса, шёпота. Автор-рассказчик, чувствуя безответность своей любви, дрожит, но эта дрожь связана не только с его внутренним состоянием, но и с холодным воздухом и видом бумаги, на которой написано письмо, оно напоминает снег: «Голубое пространство бумаги наполнило меня дрожью» [2]. Рассказчик предполагает, что сон Хабиева рождает «Мороз, теплушки, снега и скука» [2]. Зима в «Происшествии на реке Тун» — это состояние реальности, в которой, замерзая, отмирает человечность, любовь. Беженцы для автора-рассказчика — трусы и мещане, и, с его точки зрения, правильно, что «Дорожные канавы, не глубже беженских сундуков, великодушно согласившиеся быть могилами!» [2]. Хабиев «Родителей своих <...> называл мещанами» [2]. И автор-рассказчик добавляет, что, по-видимому, они его «тоже не любили» [2]. Впрочем, и он сам, вначале завидующий любви Хабиева к Варе, когда наконец оказывается у неё, со злостью отмечает, что «её нелепо раскормленный зад» приготовился «к хуторам и к широким кроватям» [2]. Социальный класс и принадлежность или равнодушие/враждебность к революции определяет для этих двоих ценность человека. Люди (враги или мещане) подобны в рассказе животным или растениям. Фраза «Школу <...> очищали от белых раненых» [2] остаётся двусмысленной даже после того, как выясняется, что речь идёт об одежде и вшах. Хабиев анекдотически каламбурит: «— Зайцы зимой белые. Там белые деревья портят, а здесь — людей» [2]. Но этот юмор по сути своей является чёрным: однажды Хабиев поставил рядом два трупа белых офицеров, прилавив их обниматься и держать знамёна, за которые они погибли. Смерть не вызывает почтения у героев «Происшествия на реке Тун», бытие человека для них завершается с его жизнью, а потому мёртвое тело — только лишь труп.

Зооморфизация человека настоящего и будущего

Кошмарный сон, видение, поделённое в рассказе три части, снова и снова мучительно возвращающееся, повторяет, усиливает множество этих мотивов. Хабиев в ответ на вопрос товарища говорит про будущее так: «Уверенно могу сказать вам — никакой любви у меня не было» [2]. Холод настоящего догоняет Хабиева и в видении будущего: «Густой снег, точно мы мчимся в сугробе, сыплется мне на голову, за шею» [2]. В будущем убийства совершаются так же бестрепетно и массово, как в настоящем. Люди сгорают, как листы бумаги, от огня, выпущенного из некой машины с кишкой, а смрад от горения тел всасывает труба, подобная граммофонной. Смерть символически сопровождается мертвящей музыкой. Трупы вывозятся при помощи «стеклянной вагонетки» [2]. Смерть безлика и технична; врач не лечит, а лишь фиксирует гибель, санитары не помогают лечить, а убирают трупы. Отдельно в рассказе говорится про уничтожение врагов при помощи уютнообразной машины (что заставляет подумать, что те, о которых было сказано раньше, не чужие, а свои, бывшие сограждане нового мира). Идея машинной утопии по-разному, но широко проявившаяся в 1920-е годы в Европе и СССР, оборачивается в «Происшествии на реке Тун» своей противоположностью. Например, Уильям Моррис в лекции «Искусство и социализм» говорил, что «чудесные машины, которые в руках справедливых и разумных людей могли бы служить для облегчения труда и производства благ, или, другими словами, для улучшения жизни человеческого рода» [7, p. 201]. В рассказе Иванова вместо этого они служат для аннигиляции людей. Человек оказался «не умножен машинами», как мечталось Ф. Маринетти, а «минусован» ими.

Костюмные и архитектурные образы: нивелирование антиутопического общества

Будущее в «Происшествии на реке Тун» выглядит как возможная утопия, но реверсированная. Архитектура зданий несет на себе отпечаток раннесоветских увлечений древностью, воспроизводимой на новом уровне благодаря современным технологическим решениям и материалам (например, мавзолей Ленина, похожий на зиккурат), и конструктивизмом (бесчеловечное выхолощенное «сочетание кубов, ромбов, параллелепипедов — голых геометрических форм» [1]). (Говоря про парадоксальное соединение в рассказе древности и будущего, можно также заметить, что Хабиев смотрит в грядущее, а автор-рассказчик при этом оглядывается в прошлое: «А ведь с времён Ермака и ещё назад пятьсот лет, — это первая война, — и я в ней участвую» [2]. Думается, впрочем, что здесь ему вернее было бы вспомнить про Емельяна Пугачёва.) По потолку огромного здания «похожие на тараканов, по величине, рабочие в коричневых балахонах переползали взад вперед» [2]. Такова оптика сна, который видит Хабиев, но мотив маленького размера людей поддержан и размером строения: оно громадное, и «в форме пирамиды» [2] из светящегося металла. Его металлические стены блестят, а стеклянные крыши пропускают свет. Мир будущего светел, прозрачен и беззвучен («Всё вокруг происходило почти беззвучно. Беззвучная борьба, беззвучная смерть» [2]), но усомнившийся Хабиев испытывает облегчение лишь когда этот мир начинают бомбить и когда в нём появляются звуки.

Неподалёку от «пирамиды» стоит «Плоское серое здание во всю сотню своих этажей» [2] тоже из стекла и, вероятно, бетона, и этот «дом <...> наполнен людьми, как амбар — зерном» [2]. Это здание с точки зрения цвета и целостности — противоположность предыдущего. Но оно похоже на вагоны из настоящего. Они и описаны схожими

конструкциями перечисления однородных определений: «нелепый, плоский, серый дом» — «бесчисленные, трусливые и холодные эшелоны!..» [2]. Одни люди в будущем низведены до насекомых, у которых даже во время их убийства на лицах застывает радость, другие, остатки «поработителей народов» [2], представлены зёрнами, которым нужно пасть в землю ради светлого будущего. Более того, по выражению автора-рассказчика из будущего, они все уже мертвы — даже до того, как здание будет разрушено. Все жители будущего, те, кто наследовал мир, и те, кто оказался жертвой, одеты в нивелирующие их балахоны: коричневые балахоны у рабочих, оранжевые — у санитаров, серые — у солдат, убитые лежат «в плотно, как купальные костюмы, обтягивающих тело одеждах» [2]. Парадоксально нивелируют людей и знаки отличия: у одного из санитаров Хабиев увидел нашивку, «отдалённо похожую на крест», у солдат «на месте сердца <...> были нашиты пурпуровые, красные звёзды» [2]. Их обтягивающие, «резино-шёлковые одежды» вызывают ассоциацию с кем-нибудь вроде морских млекопитающих, а не людей.

Замкнутое пространство: границы бесчеловечной антиутопии

Геометрия нового мира тяготеет к замкнутым конструкциям (как и место пребывания героев настоящем — вагоны, теплушки). Они могут быть большими или тесными, предназначенными для послушных граждан и разоблачённых внутренних врагов, но пребывание в них в любом случае вызывает чувство духоты и страха: «...сжалось моё сердце, когда я увидел коридор», «Мост через ров был узок и напоминал сетчатую трубу. Я ещё боялся на него вступить», люди в сером здании «не кричали о пощаде, по-видимому, из боязни криком вызвать смерть», они «смотрели на нас из всех доступных им щелей» [2]. Финал рассказа — гибель Хабиева в аэроплане, в котором он, задыхаясь, убегал в чужую страну из псевдоутопического реальности. Одна из самых частых фигур, форм в рассказе — труба или её подобия: «узкая струя огня, выпущенная из кишки», уничтожает мертвые тела; машины, убивающие «белых», оканчиваются чем-то вроде хобота; «странное оружие, похожее на небольшой рупор» [2] убивает Хабиева; по большой светящейся трубе катит вагонетка, увозящая трупы; мост через ров напоминает сетчатую трубу. Эта фигура — символ перехода из жизни в смерть. Смертью в рассказе пропитаны не только оба здания, но и природа: море «было мертвенно спокойно» [2].

Самоуничтожение как закономерный итог расчеловечивания

Рассказ Хабиева о своём сне-видении начинается с его предуведомления, что ему снилась «последняя революция» [2]. Определение «последняя» здесь говорит не только о победе революции, но и о победе над революцией, то есть о её поражении. Мир будущего, как это становится ясно в конце, гибнет. Погибает и его усомнившийся герой — Хабиев, — предчувствовавший, что беседа с другом окажется последней. Он погибает от руки этого самого друга, который во сне направил на него «весёлый газ», равно как и еле удерживался, чтобы в настоящем не зарубить его топором. Причём попытка убийства совершается им дважды. Приехав к Варе, он пробует уничтожить Хабиева в её глазах: «— Он умер, как герой <...> сознающий все свои ошибки» [2]. Впрочем, Варя и сама способна на подобное, когда замечает, что тому было бы более к лицу умереть от пули, а не от тифа. Главная же причина смерти Хабиева — действительно в ошибках, но не тех, о которых думает автор-рассказчик. В финале открывается, что человек, которого он видел в сером здании во сне, это его отец, которого он не узнал или не хотел узнать среди беженцев, фактически приговорённых к смерти, своего отца и, кажется, своих братьев. Хабиев болен тифом, но подлинная его болезнь — это отказ от

семейных связей, от любви в пользу головных классовых конструкций. При этом его товарищ, его друг-враг, его двойник остаётся жить, но и он, автор-рассказчик, не остаётся без наказания: Варя смотрит на него не с любовью и не с уважением, а с жалостью.

Заключение

Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» одновременно может быть прочитан и как дистопия, и как антиутопия, так как содержит черты обоих жанров. Писатель балансирует также и в том, как квалифицировать природу повествования: то, что видит и о чём рассказывает герой, можно понять как видение, как сновидение или как галлюцинацию человека, больного тифом. В любом случае «Происшествие на реке Тун» воспринимается как глубокое проникновение писателя в реальность Революции и Гражданской войны и как прозрение в возможное негативное будущее. Настоящее и грядущее в рассказе связаны, первое проецируется во второе: их объединяют главные герои, присутствующие в обоих временах (в будущем они романтически преображены) и схожие мотивы (в частности, мотивы холода, приводящего к состоянию без любви, мотивы насилия и смерти, мотивы расчеловечивания и зооморфизации человека). Образ антиутопии/дистопии в рассказе создаётся посредством образов человекоубийственной техники и образов не-человеческой архитектуры. Человек в будущем обезобразил не только рукотворное, но и природное: и то, и другое источает опасность и смерть. Психика и тела живых видоизменены, тела убитых не вызывают уважения. Огромные размеры зданий, холодные и грубые материалы, из которых они сделаны, тяготение форм к трубообразности и замкнутости — всё это соответствующим образом определяет бытие будущего человека. Финал «Происшествия на реке Тун» показывает гибель обоих главных героев: оба оказываются само-уничтожены своими собственными аффектами, а вместе с их гибелью у читателя (и у писателя [\[4, с. 9\]](#)) возникает вопрос о перспективах того дела, за которое они оба воевали.

Библиография

1. Андреев Д. Л. Роза мира. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/roza_mira.pdf
2. Иванов Вс. Происшествие на реке Тун. URL: https://www.promegalit.ru/public/16083_vsevolod_ivanov_proisshestvie_na_reke_tun.html
3. Папкова Е. А. "Видения грядущего" в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. ("Страна Гонгури" и "Происшествие на реке Тун") // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 180-193. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.180-193 EDN: ZSLCGC
4. Папкова Е. А. Сны о будущем в прозе Всеволода Иванова 1920–1930-х годов // Сюжетология и сюжетогрфия. 2019. № 1. С. 7-17. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-7-17 EDN: VJODXP
5. Папкова Е. А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39 EDN: YFCZTI
6. Чаликова В. О типологии литературных утопий // Феномен утопии в общественном сознании и культуре. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 9-13.
7. The collected Works of William Morris / Ed. by May Morris. Vol. XXIII. Longman Green and Co., London; New York; Bombay; Calcutta, 1915. 309 p.
8. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Б. А. Ланин. М., 1993. 344 с. EDN: NLITFN
9. Морщикина Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л. А. Морщикина. Архангельск, 2004. 195 с. EDN: NMQHNT

10. Платонов Ф. Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов / Ф. Е. Платонов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324-327. EDN: ITVJBF
11. Плех З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02 / З. И. Плех. Бишкек, 2008. 23 с. EDN: ZNMBRB
12. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с. EDN: QVBELL

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается реализация жанров дистопии и антиутопии в рассказе Всеволода Иванова «Происшествие на реке Тун», а также характер и особенности мотивной структуры текста. Актуальность работы очевидна; она обоснованно аргументируется как популярностью жанра антиутопии для советской литературы 1920-х («новое государство ищет новые формы развития, и на этом пути видит не только возможности, но и опасности»), так и интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений двойственной жанровой природы. Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун», как утверждается в статье, является одновременно дистопией и антиутопией. Вслед за Викторией Атомовной Чаликовой автор(ы) проводят различие между этими жанрами («дистопия, в отличие от антиутопии, которая является чем-то вроде карикатуры на утопию, описывает «сегодняшний ад, который, как опасается автор, продолжится и углубится в будущем» [6, с. 13]»).

Теоретической основой работы выступили труды по вопросам русской литературной антиутопии (истоки и трансформации жанра литературной антиутопии, становление жанра антиутопии в русской литературе XX века); типологии литературных утопий, а также исследования различных аспектов прозы Всеволода Иванова. Библиография составляет 12 источников, в том числе литературные, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако теоретическая часть, так называемый обзор литературы, по мнению рецензента, раскрыта недостаточно, фактически она представляет собой два абзаца. В частности, обзор пяти источников сводится в одно предложение: «Жанр антиутопии для советской литературы 1920-х — один из наиболее востребованных [8; 9; 10; 11; 12]».

Исследование опирается на методологию, сочетающую общенаучные методы (анализ и синтез, описательный и сравнительно-сопоставительный методы) и частнонаучные методы (текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ). Значительное место занимают методы жанрового и мотивного анализа (исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся в будущее время).

В ходе исследования изучена специфика реализации в «Происшествии на реке Тун» жанров дистопии и антиутопии («образ антиутопии/ дистопии в рассказе создается посредством образов человекоубийственной техники и образов не-человеческой архитектуры»); рассмотрен характер и особенности его мотивной структуры («мотивы холода, приводящего к состоянию без любви, мотивы насилия и смерти, мотивы расчеловечивания и зооморфизации человека»), а также онейрическая проекция будущего («то, что видит и о чём рассказывает герой, можно понять как видение, как сновидение или как галлюцинацию человека, больного тифом», «воспринимается как

глубокое проникновение писателя в реальность Революции и Гражданской войны и как прозрение в возможное негативное будущее»).

Проведенное исследование обладает теоретической значимостью и практической ценностью: вносит вклад в изучение жанра антиутопии в русской литературе начала XX века, явлений двойственной жанровой природы и произведений Всеволода Иванова с точки зрения их мотивной структуры.

Работа обладает четкой структурой: введение с обоснованием актуальности, постановкой задач, характеристикой методов, объекта и предмета исследования; основная часть с изложением материала, положения которого убедительно иллюстрируются автором(ами), а также заключение с формулировкой выводов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса.

Однако объем рукописи, особенно ее теоретической части, недостаточен для научной статьи ВАК (рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков).

В целом статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после расширения ее объема.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью «Происшествие на реке Тун В. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии»

Статья посвящена анализу рассказа Всеволода Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) сквозь призму жанров дистопии и антиутопии. Автор статьи рассматривает не только жанровые особенности текста, но и мотивную структуру произведения, уделяя особое внимание образам холода, смерти, техники, архитектуры, зооморфизации человека и замкнутого пространства. Таким образом, предметом исследования выступает своеобразная художественная проекция будущего, созданная Ивановым, и её связь с историческим опытом Революции и Гражданской войны.

В основе работы лежит комплексный подход, объединяющий жанровый, мотивный и герменевтический анализ. Такой выбор методов позволяет автору одновременно учитывать формальные характеристики текста и интерпретировать скрытые смыслы, выявляемые через повторяющиеся мотивы. Мотивный анализ используется последовательно и продуктивно: прослеживается, каким образом холод, смерть и механизация бытия формируют у Иванова образ античеловеческой реальности. Методология выглядит адекватной поставленным задачам и демонстрирует высокий уровень аналитической работы.

Вопросы жанровой двойственности (дистопия / антиутопия) в современной гуманитарной науке находятся в центре внимания, особенно в свете переосмысления утопического и антиутопического наследия XX века. Рассказ Иванова до сих пор недостаточно глубоко рассматривался с позиции мотивного анализа, что делает исследование своевременным. Кроме того, актуальность подтверждается интересом литературоведения к репрезентациям революционного опыта и их связи с предчувствием будущих катастроф. Новизна работы заключается в первом подробном анализе мотивной структуры рассказа «Происшествие на реке Тун». Автор статьи справедливо указывает, что ивановеды отмечали антиутопические элементы произведения, однако мотивный ряд (холод,

смерть, техника, архитектура, одежда, замкнутое пространство) до сих пор не стал объектом столь развернутого исследования. Дополнительную новизну представляет интерпретация сна комиссара Хабиева как онейрической проекции будущего, позволяющей понять мировоззренческие опасения писателя.

Статья написана в академическом стиле, выдержанном и аргументированном. Текст логично структурирован: введение, постановка целей и задач, методология, основная часть с мотивным анализом, заключение. Особое достоинство работы — подробная работа с текстом Иванова: многочисленные цитаты демонстрируют тесную связь анализа с художественным материалом. Автор умело сопоставляет рассказ с другими произведениями Иванова («Иприт», «У») и с традицией антиутопического жанра. Однако в некоторых фрагментах наблюдается некоторая избыточность цитирования, что может утяжелять восприятие.

Список литературы репрезентативен и включает как фундаментальные работы (Ланин, Чаликова, Плех и др.), так и современные исследования (Папкова, Платонов). Использованы как отечественные, так и зарубежные источники. Библиография демонстрирует хороший охват научного поля, хотя можно было бы добавить работы по общим вопросам онейрической поэтики или психоаналитической интерпретации сна, чтобы расширить контекст.

Автор статьи корректно опирается на существующие интерпретации (работы Е. А. Папковой, Б. А. Ланина), указывает на расхождения и уточнения, избегая полемической агрессивности. Апелляция к оппонентам строится скорее в форме диалога, чем полемики, что является плюсом. Тем не менее можно было бы острее выделить отличия предложенного подхода от существующих трактовок, чтобы подчеркнуть научную новизну еще более убедительно.

Заключение статьи подводит итоги мотивного анализа, показывая, что рассказ Иванова совмещает черты дистопии и антиутопии, а также предвосхищает образ будущего как продолжение мрачной реальности Гражданской войны. Работа будет интересна исследователям русской литературы XX века, специалистам по утопическим и антиутопическим жанрам, а также студентам-филологам.

Статья представляет собой оригинальное и аргументированное исследование, обладающее несомненной научной ценностью. Она отличается актуальностью, новизной и высоким уровнем аналитической работы. Полагаем, что рецензируемая работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без критических замечаний.